

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Voennyi Sbornik
 Has been issued since 1858.
 ISSN: 2309-6322
 E-ISSN: 2409-1707
 2017, 5(2): 45-52
 DOI: 10.13187/vs.2017.2.45
www.ejournal6.com

Articles and Statements

UDC 94 (470)

The Organization of Protection of the Population of the Astrakhan Province from the Raids of the Mountaineers during the Caucasian War (1817–1864)

Sergei S. Belousov^{a, b, *}^a Southern Scientific Center, Russian Academy of Science, Russian Federation^b Kalmyk scientific center, Russian Academy of Science, Russian Federation

Abstract

This article examines the activities of the authorities for the protection of the civilian population to the Caucasian fortified frontier line of the territories from the raids of the highlanders during the Caucasian war. These raids became frequent in the late 1840s, therefore, the Astrakhan administration had to take urgent additional measures to strengthen administrative border with the Stavropol province. The author analyzes the activities of the authorities to strengthen the cordons, to assist the local population in the organization of self-defense from the highlanders, evaluation of the results of the efforts of the authorities on building the protection system, Gorsky raids. The article notes that there was no plan to counter the raids of the highlanders and the measures taken against them were a response and were not proactive in nature.

Keywords: war in the Caucasus, Astrakhan province, mountaineers, raids, astrakhan cossacks, kalmyks, cordons.

1. Введение

Кавказская война оказывала влияние не только на северокавказский регион, но и на сопредельные территории, в частности на Астраханскую губернию. На практике это проявилось в распространении системы набегов горцев на приграничные с Кавказской укрепленной линией районы. Руководство Астраханской губернии вынуждено было принимать ответные меры военного характера по защите мирного населения от террора пришельцев из-за р. Терека, при этом оно не располагало достаточными военными силами. В ходе борьбы с горцами местными воинскими и полицейскими подразделениями был накоплен определённый опыт противодействия набеговой системе горцев, до этого им приходилось иметь дело в основном с набегам кочевников-казахов, отличавшихся от горцев психологией, образом жизни и тактикой проведения набегов.

* Corresponding author

E-mail addresses: sbelousovelista@mail.ru (S.S. Belousov)

2. Материалы и методы

Исследование выполнено преимущественно на архивных материалах. В процессе работы были использованы документы фонда № 383 (Первого департамента Министерства государственных имуществ) Российского государственного исторического архива (далее – РГИА), фондов И-2 (Астраханской комиссии калмыцких дел), И-3 (Совета Астраханского калмыцкого управления), И-6 (Ордынского отделения Астраханской палаты государственных имуществ), И-7 (Канцелярии Главного попечителя калмыцкого народа по заселению дорог), И-8 (Заведующего отдельной частью Малодербетовского улуса). Большинство документов представляют собою делопроизводственную переписку местных и правительственных органов государственной власти и вводятся в научный оборот впервые.

В процессе исследования были применены описательно-повествовательный и сравнительный методы исследования, а методологической основой послужили принципы историзма.

3. Обсуждение и результаты

Истории Кавказской войны посвящена обширная научная литература, однако не все её сюжеты к настоящему времени исследованы достаточно полно. Между тем, их изучение позволяет расширить наши знания по этой войне и глубже познать её сущность.

Проблема защиты населения Астраханской губернии от набегов горцев историками практически не исследовалась. Некоторые сведения по данной теме содержатся в работах И.А. Бирюкова – «История Астраханского казачьего войска» (Бирюков, Ч. 3. 1911: 1–745) и «Астраханские казаки: Исторические очерки и рассказы. Географические, экономические и служебные сведения о войске» (Бирюков, 1904: 1–228), В.В. Скворцова (Скворцов, 1890: 1–413), К.И. Костенкова (Костенков, 1870: 1–171), А.А. Догадина (Догадин, 1908: 93), К.С. Небольсина (Небольсин, 1852: 1–199), Н.Н. Пальмова (Пальмов, 1922: 1–139), И.В. Борисенко (Борисенко, 1991: 1–229), где они приводятся в контексте описания служебных повинностей астраханских казаков.

В первой половине XIX в. Астраханская губерния являлась приграничной по отношению к Кавказской укрепленной линии территорией, обеспечивавшей её тыл в борьбе с горскими народами. В начале XIX в. граница Астраханской губернии на юге проходила вдоль нижнего течения р. Кумы до д. Владимировки, далее по р. Мокрая Буйвола, правым притокам р. Большого Егорлыка – Большим и Малым Кегультами. Это была административная граница с Кавказской губернией, переименованной в 1822 г. в область, а в 1847 г. – в Ставропольскую губернию. Здесь располагались кочевья калмыков отдельной части Малодербетовского и Большедербетовского улусов, и не имелось никаких стационарных поселений. Район этот был малонаселенным, безводным, с очень жарким климатом и степным рельефом.

Обширность местности, а также кочевой образ жизни населения сильно ограничивали возможности установления здесь эффективной системы управления и надзора со стороны губернских властей. Астраханская администрация не имела возможности разместить в районе сколь-нибудь значительные по численности воинские и полицейские контингенты, поскольку, во-первых; она не располагала достаточными военными силами, во-вторых; их попросту негде было размещать, так как в районе отсутствовали оседлые поселения. Данные обстоятельства сильно осложняли борьбу с шайками воров и грабителей, которые пользуясь своею неуязвимостью и безнаказанностью, рыскали по всей степи в поисках добычи. В большинстве своём банды состояли из представителей кочевых народов (калмыков, ногайцев и туркмен), но с началом Кавказской войны на территорию Астраханской губернии стали проникать вооружённые группы горцев.

Появление горцев на калмыцких землях послужило одним из существенных факторов осложнения на рубеже 1820–1830-х гг. политической ситуации в Большедербетовском улусе. Его владелец О. Хапчуков в записке к астраханскому военному губернатору В.Г. Пяткину 3 мая 1832 г. писал, что в период осуществления работ по разграничению улуса в 1815–1829 гг. с Кавказской областью, представители последней в Комиссии по наделению кочевых народов землёю незаконно отрезали два улусных участка, на которых поселили джембойлукских ногайцев. Астраханская администрация потребовала возвратить землю калмыкам и свести с неё ногайцев, но кавказские власти, в ведении которых находились

джембойлукцы, отказались это сделать. После этого, по словам Хапчукова, ногайцы «начали причинять тамошним русским жителям и калмыкам смертоубийства и грабежи» (НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 125. Л. 2 об.).

Большедербетовский владелец отметил также тот факт, что в преступных действиях принимали участие закубанские черкесы, с которыми ногайцы имели тесные связи и укрывали их в своих кочевьях. Заканчивалась записка О. Хапчуков жалостливой просьбой: «Так как в нашей стороне производятся черкесами и татарами беспрестанные смертоубийства, грабежи и захваты в плен людей, отчего улус претерпевает стеснение и самую опасность, то в сем страшном смятении к охранению нашему, прошу покорнейше, не оставить оказать воспомощствление» (НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 125. Л. 5 об.).

Лакомой добычей для разбойников были проезжающие по дорогам путники и обозы. В 1830-е гг. в связи с участвовавшими нападениями на них астраханская администрация вынуждена была усилить казачьи-калмыцкие пикеты и разъезды на наиболее важных дорогах и местах. Так, с 1832 г. пикеты стали выставляться на Томском тракте, а осенью 1834 г. в степь были отправлены 200 астраханских казаков, которым поручили вести борьбу не только с калмыцкими разбоями, но и охранять калмыков от нападений на них горских шаек (Бирюков. Ч. 3. 1911: 512). Однако эти меры в борьбе со степным разбоем помогали мало. У астраханских властей явно не хватало сил, чтобы охватить огромную территорию губернии пикетами и разъездами, поэтому разбои продолжались. В них участвовали и представители народов Северного Кавказа, при этом их нападения нередко заканчивались гибелью и поранением людей. В ноябре 1843 г., например, при нападении на обоз купца Тамашиева в урочище Гордачи на Царицынско-Ставропольском тракте, черкесы убили 2-х сопровождающих людей и ещё 2-х ранили. Они забрали все имеющиеся в обозе вещи, и 1200 рублей казенных денег (НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 280. Л. 66).

В конце 1840-х гг. действия горцев в приграничных со Ставрополем астраханских территориях приобрели угрожающий характер. С 1849 г. их набеги стали регулярными и на некоторое время даже дестабилизировали ситуацию. В течение 1949–1951 гг. горцы ежегодно переходили административную границу Астраханской губернии и совершали нападения на местное население с целью грабежа. В сентябре 1850 г. один из их отрядов в количестве 20 человек проник в кочевья калмыков отдельной части Малодербетовского улуса, ограбив и зарубив там 20 человек, в октябре того же года под влиянием слухов о намерении горцев напасть на Эркетеневский улус, в нём началась паника, которую удалось остановить только после направления в улус дополнительных пикетов астраханских казаков и калмыков (РГИА. Ф. 383. Оп. 13. Д. 14437. Л. 11 об.).

В октябре 1851 г. чеченцами (23 чел.) были захвачены в плен во время служебной командировки на р. Куму помощник попечителя Яндыко-Мочажного улуса Буцевич и Учёный лесничий поручик Заусцинский. Находившиеся при них казак и калмык были убиты, такая же участь постигла и 14 крещёных калмыков, встретившихся горцам на пути домой (НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 42. Л. 49).

Чиновников привезли в Большую Чечню, где разделили и заковали в цепи, после чего потребовали с их родственников выкуп. «Претерпевая от голода и тяжелых работ изнурение, и не имея ни малейших надежд к освобождению от плена, кроме выкупа...» Буцевич вынужден был просить помощи у матери, которая заняла большую по тем временам сумму в размере 1255 руб. серебром и представила их князю А.И. Барятинскому. Эти деньги были переданы захватчикам и 24 февраля 1852 г. Буцевича отпустили из плена (НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 45. Л. 84 об.). Судьбу Заусцинского из-за отсутствия документов выяснить пока не удалось.

Участвовавшие случаи нападения горцев так напугали калмыков, отмечал в своем рапорте 6 мая 1853 г. к министру государственных имуществ, графу П.Д. Киселеву директор I-го Департамента министерства государственных имуществ, что «они, едва только дойдут до них слухи о намерении горцев переправиться через реку Терек к границам Астраханской губернии, бегут в разные места и даже бросают свои кибитки с имуществом. Между тем предприятия горцев на злодеяния, в особенности слухи об этом учащаясь, сделались весьма нередкими и почти постоянными» (РГИА. Ф. 383. Оп. 16. Д. 20094. Л. 3 об.).

Тревожные настроения распространились также в станицах прикумской части Астраханско-Кизлярского тракта, которые только что начали заселяться крестьянами-

переселенцами. После появления известий или слухов о движении горцев, новосёлы, чтобы не быть застигнутыми врасплох, покидали поселения и уходили на время в степь, причём, по словам Главного попечителя калмыцкого народа М.И. Тагайчинова, это явление наблюдалось не только в Прикумье, но и в более отдалённых от р. Кумы населённых пунктах. В 1850 г. горцам даже удалось перехватить и ограбить следовавший в станицу Величавую обоз переселенцев. При нападении были убиты 5 крестьян и ещё несколько ранены (РГИА. Ф.383. Оп.13. Д. 1442. Л.33).

В рапорте от 12 января 1852 года к П.Д. Киселеву Главный попечитель калмыцкого народа М.И. Тагайчинов сообщал, что в страхе перед набегами горцев жили не только 4 станицы возле реки Кумы, но и более отдалённые. По его мнению, это обстоятельство могло серьёзным образом повлиять «на менее успешное заселение калмыцких земель русскими переселенцами» (НА РК. Ф. И-7. Оп.4. Д. 49. Л. 43об.).

Такого развития событий власти, разумеется, допустить не могли, так как одной из основных целей учреждения станиц вдоль дорог на калмыцких землях было как раз обеспечение безопасного по ним проезда и прекращение грабежей. В своём предписании от 18 декабря 1850 г. министр государственных имуществ П.Д. Киселев обязал Главного попечителя калмыцкого народа Тагайчинова принять меры по усилению безопасности проезда по дорогам, идущим от р. Волги на Кавказскую линию, при этом присовокупив, что «надежнейшим средством исполнению означенной Высочайшей воли служит скорейшее заселение дорог....» (НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 46. Л. 2).

Осложнившаяся в конце 1840-х гг. обстановка в астраханско-ставропольском приграничье действительно требовала незамедлительного принятия мер охранного характера. Направлявшихся ежегодно по наряду на службу во все калмыцкие улусы 149 астраханских казаков было недостаточно для поддержания в них порядка и охраны от грабежей. К ним следует прибавить ещё калмыков, выставлявших каждый год для несения кордонной службы в пределах Астраханской губернии 200 человек, но даже с их учётом, закрыть протяжённую административную границу не хватало сил.

С началом регулярного проникновения горцев в пределы Астраханской губернии для борьбы с ними стали ежегодно осенью командироваться на границу губернии к Гуйдукской почтовой станции и для разъездов по р. Куме отряд астраханских казаков. Он там находится до наступления сильных холодов и всё это время казакам приходилось жить в полевых условиях, отчего они часто болели (РГИА. Ф. 383. Оп. 16. Д. 20094. Л. 2 об.).

Эти командировки астраханским казакам давались нелегко ещё и потому, что в них назначались не по очереди, а те казаки, которые по разным причинам в то время не находились на службе (РГИА. Ф. 383. Оп. 16. Д. 20094. Л. 4).

12 января 1852 г. Главный попечитель калмыцкого народа представил графу П.Д. Киселеву свои соображения по усилению охраны приграничных со Ставрополем территорий. Особое внимание им было обращено на Царицынско-Ставропольский и Астраханско-Кизлярский тракты, которые являлись кратчайшими путями на Кавказскую укреплённую линию. Участок дороги от Царицына до Маныча был уже практически заселен, поэтому глава калмыцкого управления не видел необходимости усиливать там охрану. За Манычем, начиная от станицы Дивной и до с. Петровского (ныне – ныне г. Светлоград Ставропольского края), поселений не было, поэтому на этом промежутке тракта (80 верст) Главный попечитель считал необходимым учредить 4 постоянных поста из казаков и кочующих там ногайцев. На них предлагалось построить караульные дома, чтобы посты могли нести службу круглогодично (РГИА. Ф. 383. Оп. 13. Д. 14437. Л. 19).

От с. Петровского на Царицынско-Ставропольском тракте ответвлялась дорога, идущая на г. Кизляр, на которой на расстоянии до 120 верст не имелось никаких стационарных поселений, за исключением почтовых станций. На этой дороге улусные управления содержали наблюдательные посты, заканчивавшиеся у последней почтовой станции Астраханской губернии: от неё и до первой на территории Ставропольской губернии почтовой станции, постов больше не было из-за отсутствия в этих местах пресной воды и недостатка в казаках (РГИА. Ф. 383. Оп. 13. Д. 14437. Л. 20).

Другой важнейший тракт – Астраханско-Кизлярский – был заселен от г. Астрахани в направлении Северного Кавказа на протяжении 135 верст, затем следовал незаселённый промежуток в 120 верст, на который выставлялись на весенне-осенний сезон посты из

астраханских казаков и калмыков. Немного южнее почтовой станции Талагай-Терняковской от Кизлярской дороги ответвлялась Чумацкая дорога, пролежавшая в юго-западном направлении до Можарской соляной заставы, мимо деревни Владимировки Ставропольской губернии и далее на Кавказскую укрепленную линию. Участок этой дороги, длиною в 130 верст между почтовой станцией Талагай-Терняковской и станицей Долей, не имел поселений, и его охраняли редкие и малочисленные посты из астраханских казаков и калмыков. В целях его усиления Главный попечитель полагал увеличить численность казаков и возвести постройки для их проживания.

На рубеже 1840–1850-х гг. пикеты стали устанавливаться на летний период времени в новых поселениях государственных крестьян, возникших на астраханской стороне р. Кумы. Известно, что они были учреждены в станицах Урожайной, Величавой, Спасской и Доле: в первые три поселения наряд выставляли кочевавшие в этом районе калмыки отдельной части Малодербетовского улуса, а в последней – калмыки Икицохуровского улуса. Возглавляли пикеты астраханские казаки. В 1851–1853 гг. в связи с участвовавшими набегами горцев калмыки сократили количество поставляемых в пикеты людей. До 1851 г. калмыки отдельной части Малодербетовского улуса командировали в пикеты станиц по очереди от 52 аймаков 10 человек с лошадьми, в 1851–1853 гг. это число уменьшилось до 6 чел. Большинство калмыцких аймаков в эти годы откочевали вглубь Малодербетовского улуса подальше от опасности и не выставили положенное число пикетчиков (НА РК. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 98. Л. 4).

Первоочередной задачей Главный попечитель калмыцкого народа Тагайчинов считал укрепление участка административной границы Астраханской губернии вдоль р. Кумы, являвшемся самым угрожаемым и уязвимым от нападений горцев. Просочившись через кордоны Кавказской укрепленной линии, и беспрепятственно пройдя через земли сочувствующих им кочевников-мусульман, горцы переправлялись через р. Куму и нападали на местное население. Свои набеги они приурочивали к тому времени, когда река мелела. Учитывая тот факт, что р. Кума была сильно заболочена, и удобных переправ было немного, Тагайчинов предложил на этих местах усилить кордоны. Им было указано на 3 брода, которые чаще всего использовались для переправ: при Гуйдукской почтовой станции, в местности под названием «Свиной брод», недалеко от станицы Доли, и на переправе возле ставки Икицохуровского улуса (РГИА. Ф. 383. Оп. 16. Д. 20094. Л. 7).

На них летом и осенью выставлялись пикеты, каждый из которых включал одного-двух астраханских казака и двух-четырёх калмыков. С такими силами противостоять вооруженным отрядам горцев, состоявших обычно из 20–30 человек, было крайне сложно, поэтому при их появлении, пикетчикам приходилось больше думать не об оказании сопротивления, а о спасении своих жизней (НА РК Ф. И-7. Оп. 4. Д. 46. Л. 48).

Тагайчинов предложил на каждом из 3-х кордонов разместить по взводу военных под командованием офицера, дать им по одному артиллерийскому орудью, обнести кордоны земляными валами и построить казармы. Между кордонами должна была быть налажена хорошая связь и взаимодействие, чтобы в случае приближения горцев успеть объединиться и дать им отпор. В этих целях Главный попечитель полагал общее командование поручить одному из офицеров (РГИА. Ф. 383. Оп. 13. Д. 14437. Л. 21–22 об.).

Понимая, что увеличить численность астраханских казаков на кордонах будет для них чрезвычайно обременительно, Тагайчинов предложил вместо них назначать калмыков из числа 200 человек, ежегодно выставляемых для несения полицейско-охранной службы в губернии. Эти 200 калмыков должны были освободиться от данной службы в связи с предполагаемым увеличением численности Астраханского казачьего войска за счёт зачисления в него кундровских татар и переложения на астраханских казаков полицейско-охранной повинности калмыков (НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 46. Л. 49). Чтобы содержание размещённых на 3-х кордонах калмыков сделать дешевле, Главный попечитель калмыцкого народа предложил «для них завести пашни и огороды, срок службы определить в 5 лет» (НА РК. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 46. Л. 50 об.).

Представленные Главным попечителем калмыцкого народа Тагайчиновым соображения по укреплению рубежей Астраханской губернии в целом нашли поддержку у Астраханского военного губернатора Г. Г. Басаргина и военного министра князя

В.А. Долгорукого. Не согласились они, правда, заменить полностью казаков на кордонах калмыками.

12 апреля 1853 г. военный министр князь В.А. Долгорукий направил на рассмотрение министра государственных имуществ графа П.Д. Киселева проект учреждения 3-х кордонов для охраны границ Астраханской губернии от набегов горцев. В нём говорилось о необходимости учреждения кордонных постов на урочище Свиной Брод, вблизи зимней ставки Икицохурвского улуса, и при почтовой станции Гуйдукской и назначении на каждый из них офицера, одного урядника, 8 казаков и 20 калмыков (РГИА. Ф. 383. Оп. 16. Д. 20094. Л. 1). Обеспечение одеждой, вооружением и лошадьми снаряжаемых калмыков возлагалось на их общества, а расходы на устройство кордонных постов были отнесены «на остаточные от прежних лет суммы земского сбора, а в случае недостатка их, на счёт Калмыцкого капитала» (РГИА. Ф. 383. Оп. 16. Д. 20094. Л. 1 об.).

Одновременно с наращиванием сил на административной границе губернии, астраханские власти помогали населению прикумских районов в организации самообороны. В 1850 г., например, крестьянам станиц Урожайной, Величавой, Спасской, калмыкам и 3 чиновникам для защиты от горцев было выдано 20 фунтов пороха и 1,2 пуда пуль (НА РК Ф. И-6. Оп. 1. Д. 38. Л. 327).

Несмотря на предпринятые шаги по укреплению безопасности южных рубежей Астраханской губернии проблема борьбы с набегам горцев продолжала оставаться актуальной вплоть до окончания Кавказской войны. Подтверждением тому служит история с Кумо-Манычской кордонной линией. Идею её учреждения в целях защиты кочевников прилегающих к Манычу территорий от грабежей местных разбойников и горцев подал в 1860 г. Астраханский гражданский губернатор Б.В. Струве (Бирюков. Ч. 3. 1911: 677). Новую укрепленную линию планировалось проложить по р. Куме и Манычу, в направлении от западного берега Каспийского моря по степи, к р. Дон, при этом Струве полагал, что она будет носить временный характер – до завершения заселения местностей по рекам Куме и Манычу, а также Крымской и Чумацкой дорог (Бирюков. Ч. 3. 1911: 678).

Новые кордоны решено было укомплектовать астраханскими казаками упразднявшейся по Высочайшему повелению от 15 декабря 1862 г. Каспийской и Астраханской укрепленных линий. На 11 постов было назначено по 1 уряднику и по 8 казаков. Посты, однако, не были подготовлены к приёму людей, поэтому военным служащим пришлось размещаться в ближайших к ним селениями (Бирюков, 1904: 100).

Кумо-Манычская кордонная линия, протяженностью в 300 верст, функционировала фактически с 17 августа 1862 г. по 1 октября 1865 г. (Бирюков. Ч. 3. 1911: 677). Кратковременность её существования была обусловлена завершением Кавказской войны и позицией руководства Ставропольской губернии. Когда линия проектировалась, то предполагалось, что посты будут учреждены также и на ставропольской стороне – в тех местностях, которые не перекрывались астраханцами (Бирюков. Ч. 3. 1911: 679). В конце лета 1863 г. кавказское начальство заявило, что не видит смысла в существовании линии, поскольку горцев уже «замирили», а для прекращения грабежей в улусах достаточно будет усилить внутреннюю полицию. К такому же мнению пришёл Наказной атаман Астраханского казачьего войска Г.В. Молоствов, решительно высказавшийся за упразднение линии. 1 апреля 1865 г. Комитет министров постановил: «Кумо-Манычскую кордонную линию, как оказывающуюся, по изменившимся обстоятельствам, бесполезною, в видах сокращения расходов, упразднить» (Бирюков. Ч. 3. 1911: 682).

4. Выводы

Изучение действий властей связанных с организацией защиты населения приграничных районов Астраханской губернии от набегов горцев в годы Кавказской войны показывает, что они носили рефлексивный характер и не были частью продуманного заранее плана. Астраханская администрация не ожидала всплеска набеговой активности горцев на рубеже 1840–1850-х гг. и оказалась неготовой к принятию оперативных мер по устранению этой опасности. Объективности ради заметим, что астраханские власти не имели в своём распоряжении достаточных военных сил, опираясь на которые можно было перекрыть административную границу. В годы Кавказской войны основная масса войск на юге России была сосредоточена на Кавказской укрепленной линии, где велись боевые

действия, а служивая часть астраханского казачества была почти вся задействована на несении полицейской службы и охране протяжённых административных границ Астраханской губернии. Много сил у астраханских казаков занимала борьба с набегами киргиз-кайсаков, что долгое время не давало возможности перебросить часть их сил на борьбу с горцами. Что касается калмыков, то возможности для широкого привлечения их к охранной службе были ограничены законодательством, по которому они обязаны были выставлять в рамках повинности 200 человек для несения полицейско-охранной службы. Увеличение данной цифры требовало внесения изменений в закон, что занимало много времени, в то время как оперативная обстановка в регионе менялась быстро. Власти, безусловно, не могли не учитывать также и того факта, что калмыки воспринимали кордонную службу как тяжелую повинность и её расширение привело бы к росту их недовольства политикой властей.

Важно также отметить, что возможности властей оперативно реагировать на вызовы военного времени, были сильно ограничены излишней централизацией и неповоротливостью имперской бюрократической машины. Принятие тех или иных мер требовало согласования их с различными министерствами и ведомствами, нередко при решении того или иного вопроса руководствовавшихся своими интересами и имевших своё видение ситуации. Нередко бывало так, что пока шла длительная переписка властных структур, проблема утрачивала свою актуальность или требовала применения нового подхода для решения. Такое было свойственно действиям властей в годы Кавказской войны на астраханско-кавказском пограничье: меры по укреплению обороны от набегов горцев не носили упреждающего характера и принимались с опозданием. Усиление кордонной службы и помощь местному населению боеприпасами, безусловно, способствовали повышению обороноспособности приграничных с Северным Кавказом территорий, однако окончательно эта проблема разрешилась только в результате военной победы русских войск над горцами.

5. Благодарности

Статья выполнена в рамках проекта РНФ 17- 18-01411 «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI вв.: история, демография, антропология».

Литература

- [Бирюков, 1904](#) – *Бирюков И.А.* Астраханские казаки: Исторические очерки и рассказы. Географические, экономические и служебные сведения о войске. Астрахань, 1904. 228 с.
- [Бирюков, 1911](#) – *Бирюков И.А.* История Астраханского казачьего войска. Ч. 3. Саратов, 1911. 745 с.
- [Борисенко, 1991](#) – *Борисенко И.В.* Очерки исторической географии Калмыкии: дореволюционный период. Элиста, 1991. 229 с.
- [Догадин, 1908](#) – *Догадин А.А.* Рассказы о службе Астраханских казаков. Астрахань, 1908. 73 с.
- [Костенков, 1870](#) – *Костенков К.И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб., 1870. 171 с.
- [НА РК](#) – Национальный архив Республики Калмыкия.
- [Небольсин, 1852](#) – *Небольсин П.И.* Очерки волжского низовья. СПб., 1852. 199 с.
- [Пальмов, 1922](#) – *Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1922. 139 с.
- [РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.
- [Скворцов, 1890](#) – *Скворцов В.В.* Историко-статистический очерк Астраханского казачьего войска. Саратов, 1890. 413 с.

References

- [Biryukov, 1904](#) – *Biryukov I. A.* (1904) Astraxanskije kazaki: istoricheskie ocherki i rasskazy. geograficheskie, ekonomicheskie i sluzhebnye svedeniya o vojske. [Astrakhan Cossacks: Historical essays and stories. Geographical, economic and service data on army]. Astraxan, 228 p. [in Russian]

Biryukov, 1911 – *Biryukov, I. A.* (1911). Istoriya astraxanskogo kazachego vojska. [History of the Astrakhan Cossack troops]. Part 3. Saratov, 745 p.

Borisenko, 1991 – *Borisenko I.V.* (1991). Oчерki istoricheskoy geografii Kalmykii: dorevolucionnyj period. [Essays on the historical geography of Kalmykia: the pre-revolutionary period]. Elista. 229 p.

Dogadin, 1908 – *Dogadin A. A.* (1908). Rasskazy o sluzhbe Astrahanskih kazakov. [Stories about the service of the Astrakhan Cossacks]. Astrahan, 73 p.

Kostenkov, 1870 – *Kostenkov K.I.* (1870). Istoricheskie i statisticheskie svedeniya o kalmykah, kochuyushchih v Astrahanskoj gubernii. [Historical and statistical information about the Kalmyks, nomadic in Astrakhan province]. SPb., 171 p.

NA RK – National archive of the Republic of Kalmykia.

Nebol'sin, 1852 – *Nebol'sin P.I.* (1852). Oчерki volzhskogo nizov'ya. [Essays on the Volga lower reaches]. SPB., 1852. 199 p.

Pal'mov, 1922 – *Pal'mov N.N.* (1922). Oчерk istorii kalmyckogo naroda za vremya ego prebyvaniya v predelakh Rossii. [Essay on the history of the Kalmyk people during his stay in Russia]. Astrahan', 1922. 139 p.

RGIA – Russian state historical archive.

Skvorcov, 1890 – *Skvorcov V.V.* (1890). Istoriko-statisticheskij oчерk Astrahanskogo kazachego vojska. [Historical and statistical sketch of the Astrakhan Cossack troops]. Saratov, 413 p.

УДК 94 (470)

Организация защиты населения Астраханской губернии от набегов горцев в годы Кавказской войны (1817–1864 гг.)

С.С. Белоусов^{a, b, *}

^a Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

^b Калмыцкий научный центр РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется деятельность властей по организации защиты мирного населения приграничных к Кавказской укрепленной линии территорий от набегов горцев в годы Кавказской войны. Эти набеги участились в конце 1840-х гг., поэтому астраханской администрации пришлось принимать в срочном порядке дополнительные меры по укреплению административной границы со Ставропольской губернией. Автором проанализирована деятельность властей по укреплению кордонов, по оказанию помощи местному населению в деле организации самозащиты от горцев, дана оценка результатов усилий властей по выстраиванию системы защиты от горских набегов. В статье отмечается, что не существовало заранее разработанного плана по противодействию набегам горцев и принимаемые против них меры были ответной реакцией и не носили упреждающего характера.

Ключевые слова: Кавказская война, Астраханская губерния, горцы, набеги, астраханские казаки, калмыки, кордоны.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sbelousovelista@mail.ru (С. С. Белоусов)